

Династия

В последней четверти XIX — начале XX столетия город Зайсан был отправным пунктом многих экспедиций на Алтай, в Тарбагатай, Джунгарское Гоби, в Тибет, Тянь-Шань, в Монголию, Центральную Азию. Отсюда начинали и здесь заканчивали свои экспедиции Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, М. В. Певцов, В. А. Обручев, В. В. Сапожников, А. Н. Седельников, П. П. Сушков, В. Э. Мартино и другие исследователи. И, как правило, большинство из них останавливалось у старейшего жителя Зайсана Андрея Степановича Хахлово. Путешественники и ученые получали от него необходимую помощь советами и рекомендациями по предстоящим маршрутам, он подбирал им проводников, помогал покупать продовольствие. Хахлово представлял им информацию о флоре и фауне Зайсанской котловины и прилегающих к ней местностей.

А. С. Хахлово родился в 1845 году в станице Баян-Аул в семье казака. Образование получил в Омской прогимназии, где готовили чиновников-переводчиков для связи с коренным казахским населением и волостными управителями. «Отец не раз вспоминал (нам в наизусть), — писал мне его сын, крупный ученый Виталий Андреевич, — как после поступления в это заведение к нему был «приставлен дядька», отставной солдат, неграмотный, но хорошо вымуштрованный. Он не мог помочь в учении, но при всяком затруднении подчиненного или промахе в заседании драл его за волосы, наставляя уму-разуму.

После окончания прогимназии шестнадцатилетний воспитанник получил первый чин и поступил на службу.

Отец был единственным сыном в семье, состоящей из пяти детей. Если бы он не был казаком, то был бы освобожден от военной службы как единственная «опора в семье». Но казачество не предоставляло такой льготы. Отец должен был со своей лошадью, с седлом и шашкой и казенною пикой и винтовкой три года пройти военное обучение. Такая перспектива не устраивала его, и он выписался из казачества. Тем самым освободился от воинской повинности и мог продолжать службу. Но последняя была очень неприятной. И подчиненные его, и вышестоящие были «не чисты на руку», злоупотребляли своей властью, брали взятки и т. д. Наконец отец, по его словам, однажды не вытерпел, по-

бил азиатчика и должен был уйти в отставку».

Получив возможность располагать собой, Андрей Степанович Хахлово стал помощником одного из владельцев пароходства на Волге «братья Каменские», который вел торговлю и в Семиречье.

А. С. Хахлово не только был переводчиком, но и исполнял различные поручения Каменского. В период жизни в Семиречье «они собирали различные коллекции, искали полезные ископаемые, строили мельницы на горных речках».

С первых дней основания города Зайсана А. С. Хахлово поселяется здесь.

«Что заставило отца переехать туда на жительство — сказать трудно. Можно предположить, что стремление к активной деятельности и к новым впечатлениям сыграли не последнюю роль. Как бы то ни было, но отец был одним из первых поселенцев. Начало первой улицы вдоль речки Джеменейки было занято учреждениями, самое начало второй улицы занимал участок отца, где он и построил себе хату в одну комнату, а на участке вдоль арыков насадил деревья: вяз, тополь, березу, эвкалипт... Забота о благоустройстве города и его озеленении вызвала уважение и симпатии к нему первых жителей Зайсана», — рассказывал мне Виталий Андреевич.

Город рос. Связи с коренным населением расширялись. Дружба с казахами у А. С. Хахлово, хорошо владевшего их языком, не только разрасталась, но и углублялась. Казахи обращались к нему за помощью, особенно когда нужно было составить прошение на имя уездного начальника.

Кряжистый, с небольшой пушистой бородкой, широким сократовским лбом и пристальным взглядом глубоко посаженных умных глаз, Хахлово заметно выделялся среди жителей Зайсана. В конце XIX века он предпринял попытку разведения тулшюкозницы, однако безуспешно: она часто вымерзала.

Андрей Степанович внес определенный вклад в развитие земледелия и садоводства в Зайсанском крае. Хлебопашеством здесь можно было заниматься в основном только на поливных землях. И местное население — казахи — сажало немного, главным образом просо и пшеницу. Посевы были мало заметны и занимали небольшие участки на выходах в долину рек и ручьев. Продукты животноводства были главным

источником существования. Весной, когда все продукты бывали на исходе, беднота голодала и искала любой работы, чтобы как-то просуществовать. Поэтому Халхоз старался убедить их заменить мотыгу плугом, что дало бы возможность вспахать и засеять большие площади земель, созватовав возделывать картофель и овощи, а где есть возможность, производить посевы на богарных землях. Одним из первых он стал завозить в Зайсан сельскохозяйственную технику и снабжать ею крестьян окрестных сел и аулов. После открытия Е. П. Михаэлисом Кендэрлыкского месторождения каменного угля, он, вместе с другими, организовал его добычу для местного населения.

В 1882 году он заводит первую пасеку в Зайсане, оборудовал ее рамочными ульями разных систем, которые сам и изготовлял. Андрей Степанович проводил различные эксперименты по конструированию и поделке ульев собственной системы. В результате этого родился улей новой системы, получивший название среди пчеловодов «халхозский», а в литературе «зайсанский».

Хотя улей конструкции Халхоза и не нашел широкого применения в Казахстане, он вошел в историю пчеловодства. Этот эксперимент был свидетельством проявления творческой мысли его создателя. И заслуга А. С. Халхоза состоит не только в том, что он сконструировал улей, более всего отвечающий природным условиям Зайсанского края, — он способствовал и распространению рамочного пчеловодства вообще.

Андрей Степанович был большим любителем природы и страстным, но разумным охотником, хорошо знал флору и фауну, прекрасно ориентировался на местности. Опыт, полученный на службе у Каменского по сбору коллекций птиц, пригодился ему в Зайсане. У себя дома он создал своеобразный зоологический музей.

В 1876 году в Зайсан заезжали выдающийся зоолог и писатель-натуралист А. Э. Брем, автор всемирно известной шеститомной «Жизни животных», и известный немецкий ученый Отто Финш. По свидетельству последнего от Халхоза они «получили много интересных сведений, в особенности касающихся местной фауны, хорошо ему известной, как страстному и дельному охотнику».

Андрей Степанович консультировал ученых, а потом, как написал позднее О. Финш, «привел к нам одного старика-киргиза по имени Марджи-Алдыара, который сообщил несколько данных из собственных наблюдений относительно «тужика» или дикого верблюда. Эти данные были мною потом представлены лондонскому зоологическому обществу и напечатаны в его записках в 1876 году».

Халхоз помог Альфреду Брему в охоте за уларами (горными индейками) и содействовал ученым в приобретении шкур ушастого ежа, снежного барса и двух куланов. Они были поражены, что в таком захолустье встретили человека, прекрасно читающего великую книгу природы. В знак благодарности Отто Финш подарил на память Андрею Степановичу свою фотографию.

Возвращаясь из своего второго путешествия по Центральной Азии (1877), Николай Михайлович Пржевальский провел в Зайсане три месяца, где познакомился с Халхозом, часто бывал у него в гостях. По просьбе путешественника ему была предоставлена шкура дикого верблюда, которую добыл местный охотник-казах. Большую помощь сказал Андрей Степанович Н. М. Пржевальскому в снаряжении третьей экспедиции в Тибет и верховья Желтой реки в марте 1879 года. В знак признательности великий географ, по свидетельству В. А. Халхоза, подарил Андрею Степановичу винтовку Бердена со штыком.

— На полочке письменного стола в кабинете отца стояло много фотографий. Среди них фотографии Григория Николаевича Потанина, Всеволода Ивановича Рубцовского, Михаила Васильевича Павлова и многих других путешественников, с которыми он был знаком. Но бросалась в глаза большая фотография Николая Михайловича Пржевальского с его дарственной надписью.

К началу восьмидесятых годов XIX века Андрей Степанович становится активным исполнителем заданий Российской Академии наук и Совета Русского географического общества. Он готовит скелеты, чучела животных и птиц и направляет их Государственному зоологическому музею. В 1883 году Андрея Степановича принимают действительным членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

А. С. Халхозу были близки интересы Зайсана. Деятельный по своей натуре, он не мог мириться с отсталостью и оторванностью края. Помимо оказания помощи геологам в поиске полезных ископаемых, разработка которых оживила бы весь район, он добивался установления регулярной связи с Семипалатинском, Омском, Томском и другими городами Казахстана и Сибири. В сибирские газеты (особенно в «Сибирский вестник», издававшийся в Томске) он писал корреспонденции, доказывая необходимость организации пароходного сообщения по верхнему Иртышу, ссылаясь на исследования Е. П. Михаэлиса, проведенные им в 1879 году. Отмечая эту сторону деятельности своего отца, Виталий Андреевич Халхоз в своих воспоминаниях пишет: «Эти многочисленные усилия... увенчались в конце концов успехом. Многие в Омске, Томске, Семипалатинске поддержали его, и, наконец, в 1898 году зверь по Иртышу от Семипалатинска был отправлен пароход «Зайсан».

Летом этого года отец поехал на Черный Иртыш встретить пароход, взяв с собой старшую дочь и меня с младшим братом. Очевидно, была какая-то предзаирительная договоренность. На обрывистом берегу Иртыша разбили палатку. Здесь пароход мог легко пристать, так как у обрыва была значительная глина. Хорошо помнится, как сразу же стали собирать всякий сушняк для большого костра, который должны были зажечь, как только покажется пароходный дым. Прошло два дня, а парохода все нет и нет. Наконец, утром третьего дня вдали показался дым, и отец с казаками долго следил за ним, стараясь выяснить, движется ли он. И вот радостный возглас: «Зажигай костер!» Сухая трава заго-

релась, огонь стал лизать сухие ветки, дым столбом все гуще и чернее поднимался к голубому небу. Где-то здали через некоторое время раздался какой-то дикий рев, испугавший ребят. То был пароходный сигнал. Скоро показалась ползущая труба, из нее валил дым, а затем показалась палуба с людьми... Еще немного — и пароход с хлопающими по воде колесами направился к палатке. Радостные взаимные приветствия, и пароход у берега. Тотчас спустили трап, и все встречающие уже на пароходе.

На останавливаясь, он пошел вверх по Черному Иртышу. На палубе были: В. В. Сапожников (профессор Томского университета, ботаник), Барышзавцев (крупный чиновник из Омска), П. Ф. Плещеев и П. И. Березницкий с сыном (из Семипалатинска, будущие учредители и пайщики «Т-ва Верхне-Иртышского пароходства») и еще несколько незнакомых. «Зайсан» шел против течения. Матросы все время измеряли глубину. На палубе встретившиеся вели деловую беседу... Несомненно, это был какой-то важный момент для решения вопроса о налаживании пароходного сообщения по Иртышу до Тополева мыса на оз. Зайсан. Как говорил впоследствии отец, он взял на себя организацию дела здесь. Надо было обеспечить прием парохода на Тополевым мысу, наладить доставку товаров в город и на пристань, решить много других вопросов...»

Много энергии и труда затратил А. С. Хахлов на подготовку регулярного пароходного сообщения между Зайсаном и Семипалатинском. Под его руководством осуществлялись устройство пристани на Тополевым мысу, постройка пакгауза, укрепление дороги по песчаному мысу, строительство небольшого дома для конторы и будущих пассажиров, заготовка топлива для парохода. И вот, наконец, первый небольшой буксирный пароход «Святой ключ» с двумя баржами направился из Семипалатинска в Тополевый мыс. По свидетельству В. А. Хахлова, как черепаха плыл он вверх и, казалось, арменами стоял на месте, неистово шлепая колесами. На перекатах у него не хватало сил двигаться дальше, иногда на лодке звозились вверх по течению якорь (на остров или берег), призывали к нему канат, и матросы при помощи носовой лебедки, воодушевляя себя криками и прибаутками, помогали пароходу двигаться вперед. Иногда удавалось с обеими баржами пройти через пережат, но чаще проводили сначала одну, потом другую и коз-как шли дальше. Неделю плыли до Усть-Каменогорска, неделю от Усть-Каменогорска до Гусиной пристани и неделю до Тополева мыса.

В 1902 году было образовано «Верхне-Иртышское пароходное товарищество». С этого времени сообщение между Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Зайсаном стало относительно регулярным. Первое время пароходы приходили один раз в месяц, затем чаще, чаще...

...Андрей Степанович умер 2 мая 1918 года. Многие для людей и для науки сделали также его дети, внесшие большой вклад в освоение природных богатств Сибири и Казахстана.

В начале семидесятых годов я получал

от старшего сына — Венедикта Андреевича Хахлова письма, полные оптимизма и глубокой любви к жизни. Но в одном он заскользил написал: «Передвигаюсь плохо, на протезе. Но стараюсь не терять ритм жизни: читаю раз в неделю на университете лекции, пишу работы, рисую маслом. Сейчас мои картины в зыстзакке». В этих строчках чувствуется затаянная грусть: не суждено больше странствовать по родной земле. А в прошлом он, геолог, профессор Томского университета, исходил и изъездил почти всю Сибирь.

Когда я сообщил, что собираюсь рассказать о нем читателям, Венедикт Андреевич написал: «Обо мне следует ли писать? Разве после смерти?! Но умирать не собираюсь!» Это письмо он отправил 25 мая 1972 г., а в скором времени, словно по злему року, его не стало.

Родился он 24 марта 1894 года в Зайсане. В 1900 году мальчика уездили для обучения в Томск. Но каждое лето он приезжал на каникулы в родной городок. Собирал коллекции бабочек, жуков и принимал участие в изучении орнитофауны Восточного Казахстана. «С десятилетнего возраста я бегал с ружьем по горам, и ущельям, добывая птиц и делал чучела, приготавливая разные зоологические препараты. Потому я и знаю почти всех птиц Западной Сибири. Сколько всяких наблюдений под руководством крупных ученых было сделано!» — вспоминал он позднее.

В 1912 году Венедикт Андреевич окончил губернский гимназию, а в 1920 году — горный факультет Томского технологического института, защитив дипломную работу.

Еще в период учебы в институте он совершил геологические экспедиции по Кузнецкому Алатау, Алтаю, Саяно-Тарбагатаю, Барлыкским горам и другим районам Сибири и Казахстана. «Все это — свидетельствует В. А. Хахлов в своих воспоминаниях, — помогло мне решиться стать на путь геологических исследований». Так Хахлов из горного инженера переквалифицировался в геолога и начал научную и педагогическую деятельность под руководством крупнейшего ученого Михаила Антоновича Усова в качестве его ассистента на кафедре исторической геологии и палеонтологии Томского технологического института.

Молодой советской республике для укрепления экономической независимости необходимо было в кратчайшие сроки создать собственную минерально-сырьевую базу. Огромные просторы Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии были еще недостаточно изученными с геологической точки зрения. Для этого в первую очередь нужны были высококвалифицированные кадры геологов. В Томске началось складываться первое ядро геологов. Вскоре из молодежи тут выросла группа известных ученых, среди которых следует отметить И. К. Баженова, А. Я. Булыничкова, Н. Н. Горностаева, А. М. Кузьмина, М. И. Кучина, М. П. Русакова (впоследствии прославленного работами в Казахстане), Б. Ф. Сперанского, Н. Н. Урванцева, Л. И. Шаманского, Ф. Н. Шихота и многих других.

Они учили молодежь, работали сами в

экспедициях, привлекали к этому студентов. В ряде таких экспедиций участвовал будущий президент Академии наук Казахской ССР Каныш Имантаевич Сатпаев, который с 1921 года учился на горном факультете Томского технологического института. Много лет спустя В. А. Хахлов вспоминал: «Это был тихий, скромный студент, горевший желанием учиться. На занятиях по общей геологии он с восторгом слушал прекрасные лекции М. А. Усова. С радостью вспоминаю, что он с интересом слушал и мои лекции. Курс общей геологии, читавшийся М. А. Усовым, имел особое значение для подготовки геологов. Курс этот знакомил с просторами и глубиной науки, с ее очередными задачами государственного значения. С изучения такого курса и загорается искра в душе студента, он начинает любить науку, в нем зарождается неутомимая жажда знаний. Общих лекций для него уже недостаточно, и у студента появляется тяга к научной и популярной литературе. Так случилось и с Канышем Имантаевичем, который всерьез увлекся чтением специальной литературы, отдавая этому занятию все вечера. Однажды я ему предложил посмотреть кафедральную библиотеку. Я ему порекомендовал почитать книгу Вальтера «Законы образования пустыни». Возвращая эту книгу, он о ней отозвался с восторгом и задал мне множество вопросов. Он говорил, что книга помогла ему понять происхождение некоторых хорошо известных ему территорий Казахстана».

Летом 1923 года по рекомендации М. А. Усова Каныш Имантаевич проходил практику под руководством одного из лучших геологов Сибири М. П. Русакова, геологическая партия которого проводила съемочные работы в Центральном Казахстане. Здесь, в поле, в интереснейшей геологической части Главного Кызылташского водораздела, в истоках рек Нура-Шерубай, Джамга, Сарысу, принадлежащих к трем разным бассейнам, молодой геолог с увлечением изучал породы и руды на месте их залегания, в коренных выходах и в древних чудских выработках. «Здесь практически Каныш Имантаевич, — вспоминал позднее академик АН Казахской ССР М. П. Русаков, — познакомился со сложным и разнообразным комплексом изверженных, осадочных и метаморфических пород, определяющих геологическое строение Центрального Казахстана. Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания. В рудничных выработках Каныш Имантаевич засиживался дотемна... Расстались мы в августе 1923 года с лучшими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе».

В 1924 году К. И. Сатпаев участвует в геологических съемках гористой местности Семейтау в районе Семипалатинска под руководством доцента Н. Н. Горностаева, а на следующий год изучает угольные копи Экибастуза вблизи от своей родины под руководством своего любимого учителя Михаила Антоновича Усова, о лекциях которого и о нем самом он с благодарностью позднее говорил: «...И чудесный дар красноречия, и способность увлекательно и просто излагать сущность самых сложных научных вещей, и неутомимая логика, и фундаментальная чеканность научных формулиро-

вок и выводов, и изумительная собранность мысли, и железная самодисциплина... Ни одного лишнего слова, ни одной потерянной минуты — таков был стиль его лекций. Так же строго и предельно экономно был запланирован и распорядок всей его жизни».

Научные интересы сталкивали двух видных геологов страны неоднократно, о чем Венедикт Андреевич написал: «Много раз приходилось мне встречаться с Канышем Имантаевичем. Последний раз мы виделись с ним за полгода до его кончины. Он вспоминал свои студенческие годы, своих учителей, выносил им искреннюю благодарность. Он глубоко осознавал, что высшее учебное заведение дает человеку путьку в жизнь. Оно подготавливает специалиста высокой квалификации, командира производства, руководителя научного учреждения, культурного человека, который должен нести в жизнь науку и культуру. Он был рад, что был свидетелем того энтузиазма, с которым работали в поле его учителя. Он восхищался руководством М. А. Усова, который все время стремился организовать научные исследования в сотрудничестве с работниками промышленности. При прощании он мне сказал: «Я со студенческих лет мечтал работать так, как работают мои учителя...».

В 1964 году, поздравляя В. А. Хахлова с предстоящим юбилеем, в новомодном номере газеты «Советская Россия» К. И. Сатпаев написал: «Новый год зашагал на нашей планете. Он будет 70-м годом для одного из старейших и самых заслуженных геологов Сибири. Передаю ему сердечные поздравления. К. Сатпаев, президент Академии наук Казахской ССР».

Ученик В. А. Хахлова профессор Томского государственного университета Анатолий Романович Ананьев рассказывает:

— Нас, детей рабочих и крестьян, потрясли тогда и сам храм науки, каким предстал на пороге новой жизни университет, и первые лекции заслуженных геологов, и вся обстановка доброжелательности, заботы и внимания, которыми нас окружили. Создавалась новая советская интеллигенция, которая должна была стать оплотом отечественной индустрии и науки. Особенно глубокий след оставили лекции Венедикта Андреевича Хахлова. Читал он их ровным спокойным голосом, держа нас в увлеченном состоянии с первых до последних минут. На его лекции мы шли с огромным желанием. Последователь М. А. Усова и М. К. Коровина, он обладал обширнейшими познаниями и всесторонней эрудицией. Держался со студентами неприступно, был предупредительным, внимательным, заботливым. Много внимания уделял воспитанию студенческой молодежи, привитию вкуса и интереса к научно-исследовательской работе, и мы отвечали ему на это своей любовью и привязанностью. Помогал всем бескорыстно. Обладал необычайной интуицией и исключительным пониманием перспектив разработки научных направлений, на подготовку кандидатов наук и докторских диссертаций. Несколько слов, и он уже сориентировался. К нему можно было обратиться с любым вопросом и получить от него дельный совет. По-

этому не случайно я и многие другие его ученики пошли по его стопам».

Почти каждое лето отправлялся Венедикт Андреевич в экспедиции. Он проводил исследовательские работы по окрестностям Норильска на северо-востоке и Иркутска на востоке до окрестностей Колпашева и Прокопьевска на западе и юго-западе. Методом аналогии по сходству состава пород, условий и времени их образования им было доказано наличие угленосных пластов в Иркутском бассейне. Изучение отпечатков растений на камнях позволило расширить границы поиска и почти в два раза увеличить разведанные запасы угля в этом районе.

Особенно большое научное и практическое значение имеют его работы по Кузнецкому и Норильскому угольным бассейнам.

Имя Венедикта Андреевича можно поставить в одном ряду с учеными и исследователями, которые принимали участие в освоении нефтяных запасов Сибири. В годы Великой Отечественной войны, когда немецко-фашистские войска рвались к Баку, Западно-Сибирский геологоразведочный трест Наркомнефти начал поиски «черного золота» в Западной Сибири. Его консультантом по поискам и изучению перспектив нефтяных запасов был и В. А. Халхов.

Но Халхов был не только маститым ученым. Он обладал тонким художественным вкусом, в часы досуга любил заниматься живописью и селекцией: рисовал картины и разводил розы. Прекрасно пел.

Увлечение живописью относится к ранним годам жизни Венедикта Андреевича. Но его первые рисунки, эскизы, наброски и картины нередко оставались незавершенными. Постепенно увлечение перерастает в потребность. И ученый создает полотна, прославленные чарующей красотой сибирской природы — таежной глухомани и зябким перелескам, речным просторам и созревающим нивам. Слово волшебник, он искусно перенес на холсты задумчивый зимний лес, одетый в белоснежный пуховый наряд, грустные березки с сережками в золотистых кудрях, тихую гладь озера и скользящие лучи заходящего солнца, бросающие последние блики на окружающую растительность. Наиболее яркими и запоминающимися являются картины, написанные маслом — «Осень», «Последний снег», «Сковалом», «Озеро Каракол», «Последний луч», «Ближе к ночи», «Ветер», «Знойный день». О своих впечатлениях от полотен Халхова, выставленных в музее Томского государственного университета в 1968 году, доцент Е. Елисева пишет: «Хожу по выставке. Со стен музея, заполненного следами древних геологических эпох, смотрят пейзажи и натюрморты. Передо мной художник, тонко чувствующий природу, умеющий передать на холсте незабываемые впечатления меняющихся красок и форм».

Другой страстью и увлечением Венедикта Андреевича были розы... Свой многолетний труд по селекции и культивированию роз в Сибири Венедикт Андреевич обобщил в книге «Розы в Сибири», которая была напечатана в Томске в 1965 году.

Во введении к книге В. А. Халхов отмечал, что «сейчас мы можем гордиться прекрасными сортами роз русской селекции,

не уступающим по своим качествам лучшим сортам мира, а в отдельных случаях и превосходящим их».

Нет сомнения, что в декоративном садоводстве розы занимают первое место. В настоящее время они являются украшением южных городов, городов Кубани, Украины, Средней Азии, где климатические условия для их культуры считаются наиболее подходящими. Прекрасные насаждения можно видеть в городах Москва, Ленинград, Минск, Рига, Алма-Ате и других местах Союза. Теперь можно с уверенностью сказать, что в средней полосе Европейской части СССР культура роз в открытом грунте закрепилась уже навсегда. С известным успехом они культивируются и в более суровых климатических условиях.

Существует твердое мнение, что в Сибири розы не могут расти и цвести в открытом грунте и что очень суровые климатические условия лишают сибиряков возможности украсить свои города и рабочие поселки наиболее эффективными и ценными сортами роз. Этим и объясняется тот факт, что в Западной Сибири нет ни одного питомника роз, ни одно научно-исследовательское учреждение не занималось вопросами розоводства, ни один ботанический сад не разрабатывал приемы выращивания и ухода за розами в Сибири.

Наши наблюдения и опыты на своем приусадебном участке в течение многих лет доказывали, что культура роз в открытом грунте даже в северных районах Западной Сибири... вполне реальна».

В отличие от Венедикта Андреевича его брат Виталий Андреевич посвятил свою жизнь зоологии, также унаследовал от отца пылкость мысли, радость в бесконечном познании тайн природы, трудолюбие и настойчивость.

Однажды известная советская писательница и журналистка Татьяна Тасс, обладательница даром тончайшего чутья к выбору тех нравственных проблем, которые волнуют читателей, в одном из своих очерков задала вопрос: «Что такое наследство и как дети получают его от родителей?» И сама же на него ответила: «Любовь к своей профессии, верность традициям семьи, страсть к книгам, увлечение музыкой, любовь к природе — это тоже родительское наследство. Ценности эти истинные, непреходящие, унаследовав их, человек становится много богаче».

Родился он в Зайсане в 1890 году. В пять-шесть лет уже умел читать — в те времена это наблюдалось не так уж часто. В 1901 году отец направил его в Томскую гимназию в надежде, что после ее окончания он продолжит там обучение в университете. Но все сложилось иначе.

В 1904 году юноша во время летних каникул, которые он ежегодно проводил в Зайсане, познакомился с приват-доцентом Московского университета Петром Петровичем Сушкиным, который в тот период изучал птиц в Зайсанском крае.

Знакомство с П. П. Сушкиным, впоследствии академиком, автором классического труда «Птицы советского Алтая и прилегающих частей Северо-Западной Монго-

лии», а значительной степени определило судьбу Виталия Андреевича. С этого времени он начинает проводить наблюдения за птицами и посвящает орнитологии всю свою жизнь.

В. А. Хохлов вспоминает: «С легкой руки профессора П. Г. Сушкина, посетившего местность в этом году, мной были приняты первые попытки к составлению орнитологической коллекции. Завязавшая переписка много способствовала поддержке и развитию интереса к начатой работе, а постоянные ответы на все возникающие вопросы осмысливались и направляли работу мальчика, тогда гимназиста 4-го класса. Само собой понятно, что необходимое пребывание зимой в Томской гимназии допускало работу только в течение летних одного-двух месяцев и при этом только в ближайших окрестностях Зайсана, так как, помимо сбора коллекций, приходилось работать по хозяйству отца. Тем не менее всякая поездка по делам использовалась в интересах работы, поскольку это позволяли и время и силы. Так с течением времени создавалась коллекция и исподволь накапливались биологические наблюдения; а усилия, направленные на отыскание все новых и новых форм, способствовали детальному ознакомлению с местной фауной.

Когда Виталий Андреевич Хохлов, с которым мы встретились 27 августа 1972 года на его московской квартире, перечислял имена именитых людей, которых ему доводилось видеть, у меня дух перехватило. Это ведь почти весь цвет отечественной науки того времени!

Небольшого роста, сухощавый, довольно подвижный, но немногословный, с изрезанным глубокими морщинами лицом, он держался сдержанно и, как мне показалось, несколько скрытно. Я расспрашивал его о Зайсане девяностых годов, об отце Андрее Степановиче, о судьбе старшего брата Леонида Андреевича, о годах учебы в Московском университете, профессорско-преподавательской и научно-исследовательской деятельности и многом другом, что интересовало меня.

— О жизни и заслугах своего отца я вам писал уже в своих заметках в июле этого года, а вот о судьбе своего старшего брата Леонида могу рассказать немного. В 1905 году он окончил Московский университет и был направлен в Германию. Увлекался микробиологией и иммунологией. Работал в Париже в Пастеровском научно-исследовательском институте микробиологии. До революции это было нередким явлением... Во Франции он и остался. Умер в 1957 году.

Что касается Зайсана, то с этим городом у меня связаны самые лучшие воспоминания, хотя это и был захолустный городок.

Беседуя с Виталием Андреевичем, я подумал, как удивительно устроена человеческая память. Едва коснешься того или иного вопроса, как поплывут воспоминания, запрятанные до поры до времени в ее таинственной глубине.

Когда разговор вновь коснулся учебы Хохлова в университете, его дальнейшего жизненного пути и научной деятельности, Виталий Андреевич задумался, словно рас-

крешая в памяти прожитые годы и поведал историю, которая вместе с архивными документами и литературными источниками, положена в основу дальнейшего повествования.

В 1912 году В. А. Хохлов заболел туберкулезом и, по согласованию с ректором, возвратился в Зайсан на пашку к своему отцу, чтобы подышать свежим воздухом и полечить легкие кумысом. Он помогал отцу распахивать и засеивать медоносными близ пашки участки пустующих земель, возделывать картофель и овощи на богаре. Оказалось, что все растет хорошо, а картофель и овощи по вкусовым качествам были даже лучше, чем поливные. В тот период Хохловы решили посвятить на богаре зерновые. И опыт вполне удался. В 1915 году урожай пшеницы составил около 200 пудов с десятины (32 ц с гектара) и овса — 250 пудов с десятины (40 ц с гектара). Год был очень благоприятный. Растения, по свидетельству Виталия Андреевича, были выше роста человека, колосья располагались в несколько ярусов. Таким образом была установлена возможность здесь богарных посевов.

Вместе с отцом Виталий Андреевич проводил также на пашке посадки липы, яблонь, вишни, черешни и слив. Саженцы были получены из средней полосы России, климат которой до некоторой степени схож с климатом дальной зоны местных гор. Как показал опыт, они хорошо принимались и плодоносили.

Основным же занятием на пашке была работа с пчелами и изготовление ульев. В свободное время Виталий Андреевич продолжал совершать поездки в горы Саура, Муз-тау, Сайкан, Монрак и Қижиңне-тау для пополнения своей коллекции птиц и выполнения поручений Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, действительным членом которого он являлся с 1911 года. При этом он пересек их в различное время года во многих направлениях. Одновременно с этим исследованием была подвергнута вся Зайсанская котловина радиусом не меньше 60—70 верст. Тогда же были проведены наблюдения и над полетом птиц.

В 1915 году В. А. Хохлов возвращается в Москву для окончания университета. Выяснилось, что занятия в университете по болезни или другим объективным причинам разрешается не посещать только два года, а он пропустил три. После настойчивой просьбы и представления сведений о проведенных исследованиях птиц Зайсанской котловины и собранной в результате этого коллекции Виталия Андреевича, в порядке исключения, восстановили на четвертый курс университета. Он его окончил в 1917 году и оставлен был в университете за заслуги перед наукой для подготовки «к профессорскому званию». Вскоре его командировали на Южный Алтай на девять месяцев для завершения исследования птиц Зайсанской котловины и Тарбагатай и подготовки диссертации.

В начале января 1918 года Виталий Андреевич выехал из Москвы. Путь от Семипалатинска до Зайсана проехал на лошадях, избрав для этого Чарский тракт, чтобы «ознакомиться, пока что до распросам,

с пролетариями и пролетарскими путями, так как прежние наблюдения останавливали внимание на этом участке местности...» Поездка зимой, конечно, лишала возможности непосредственных наблюдений, но расспросы местных жителей дали необходимые сведения.

В. А. Хахлов, как и отец, в совершенстве владел казахским языком, что давало ему возможность легко объясняться с местным населением.

Контрреволюционный переворот, совершенный белогвардейцами в Сибири и Казахстане летом 1918 года, не дал возможности Виталию Андреевичу вернуться в Москву. Поэтому он переехал в Томск, где оказался очень полезен, и работал в университете до 1930 года.

В начале двадцатых годов он интенсивно работал над книгой о Зайсанской котловине и Тарбагатае. Общая часть, по свидетельству автора, была написана еще в 1921 году, но из-за нехватки бумаги в стране издана не была. В 1928 году в «Известиях Томского государственного университета» вышел главный труд его жизни: первая часть зоогеографического очерка объемом более 10 печатных листов под названием «Зайсанская котловина и Тарбагатай. Птицы».

Книга состояла из пяти глав, содержащих довольно полные сведения об исследованном крае. В ней автору, одному из первых, удалось систематизировать богатейший материал, собранный о флоре и фауне края его именитыми предшественниками.

Большой интерес представляет третья глава книги «О прошлом и изменении в жизни края». В ней автор воссоздал картину животного и растительного мира Зайсанской котловины и Тарбагатай 100—150 лет назад, когда «горы, богатые лесом, кустарниковыми зарослями, лугами и едва только временами задеваемые человеком, были переполнены жизнью. Тигры, барсы, медведи, дикие кошки, рыскающие стаи волков, в полном смысле несметное количество лис и зайцев, от вершин до самого подножья гор стада архаров, временами горных козлов — вот главное украшение гор, их животного мира. Куницы, хорьки, горностай, ласки и т. д. — все это находило приют в таких количествах, которых теперь нет и в помине. Колоссальные колонии сурков, занимающие часто многие вершины, были раскинуты по склонам перелесенной горной природы. Стоит ли говорить, что пернатое население, оставаясь в общем таким же, как и теперь, подавляло своей численностью. После того, что мне лично приходилось наблюдать много лет тому назад, становилось несколько не удивительным и не казались преувеличенными рассказы стариков о том трудно поддающемся воображению количестве тетеревов, куропаток и уларов, которое населяло горы: под осень в полном смысле тысячные табуны тетеревов чернели по склонам или усеивали темным покрывалом заросли жимолости и боярышника; некоторые ущелья были настолько плотно населены каменны-

ми куропатками, что они были видны на каждом шагу и часто паслись около самых юрт, совершенно не стесняясь человека.

Не менее своеобразна и красива была котловина... Прежде всего отметим, что животное население было очень многочисленно... Громадные стада дроф, копытков, рябков, кречетов населяли степи. Тут же... паслись табуны сайги и отдельные семьи газелей, и встречалась саксаульная сойка... Кое-где паслись табуны куланов и диких лошадей, встречались и дикие верблюды. Луга и камыши вмещали большое количество дичи... Кабаны, тигры, козули и дикие кошки в большом количестве находили себе приют в камышах».

Далее В. А. Хахлов рассказывает о заселении края, что в значительной степени повлияло на животный и растительный мир Зайсанской котловины и Тарбагатай: исчезли дикие верблюды, не стало видно диких лошадей и куланов, редко-редко заходят сюда тигры и барсы, уединились сайга, газель и саксаульная сойка. По свидетельству автора, в 1873 году едва ли видели последних куланов, гораздо раньше исчезли верблюды и дикие лошади, в 1894 году здесь был последний тигр. Сайга, прежде бродившая по всей котловине тысячами табунами, теперь уже отселена отовсюду, найдя убежище в полупустыне к северу от Зайсана. И процесс выпадания из местной фауны присутствующих ей видов продолжался дальше — все реже стали появляться барсы, дикая кошка, бобр и другие представители животного мира, потесненные человеком или истребляемые им.

Орнитологическая коллекция Виталия Андреевича находится во многих музеях страны. В частности, более 100 экземпляров птиц из его коллекции хранится в Институте зоологии Академии наук Казахской ССР, и каждый экземпляр представляет исключительную ценность.

В 1946 году Виталия Андреевича пригласили на работу в Ярославль, но прожив там шесть месяцев, он вновь переехал в Алматы, где по 1951 год преподавал в Казахском государственном университете, то есть вплоть до ухода на пенсию. Затем он уехал в Москву.

Писатель-натуралист Максим Дмитриевич Зверев рассказывает:

— Виталия Андреевича я знал с начала двадцатых годов. Это был крупный орнитолог. К сожалению, после отъезда из Казахстана, от отошел от активной научной деятельности и не реализовал до конца своих возможностей.

Время быстротечно. Уже нет в живых никого из Хахловых. Но в Сибири и Казахстане помнят их. Дела этих удивительных людей живут в благодарной памяти потомков. И в тех преобразованиях, что произошли в наши дни на необъятных просторах республики, есть значительный вклад династии простых русских людей Хахловых.

Станислав ЧЕРНЫХ.